

въ память великихъ мужей Феррары и нашего любезнаго опечесства; но пѣнь злополучнаго Тасса и печальный видъ его постыдной шемницы преслѣдовали меня до глубокой ночи.

Мгнръ.

Кіевъ.

КОРСАРЬ.

(Изъ Лорда Байрона.)

Conoscete i dubiosi desivi? (Dante.)

Пѣснь вторая.

I.

Множество галеръ покрываетъ заливъ Корона; огни блистають во всемъ городѣ, Паша *Сендъ* даетъ праздникъ въ честь будущей побѣды своей надъ морскими разбойниками, копорыхъ онъ обязался обременить оковами; онъ поклялся въ шомъ именемъ Аллы и мечемъ своимъ. Вѣрный данному слову и фирману, онъ соединилъ всѣ корабли и всѣхъ ратниковъ ему повинующихся. Какъ вождь ихъ, напыщенные гордою надеждою, они уже дѣлають между собою плѣнныхъ и добычу, хотя далеки еще отъ врагами презираемаго. Имъ спомнить только распустишь паруса, и завтра разбойники будутъ въ цѣляхъ, и припомню ихъ будешь раззоренъ. Пусть стражи предаются, если хотяшь, покою; они могутъ уже мечшашъ во снѣ о пораженіи непріятелей. Между

пѣмъ неисповѣя шолны Турокъ разбрелися испышашъ пламенную свою храбросшь надъ Греками. Достойные подвѣги сыновъ Магоммеда! они сверкаюшь саблями предъ глазами невольника, грабяшь дожь его, ищадашь кровь; они чувствуюшь свою силу и хвалясь милосердіемъ; не разяшь: ибо знаюшь, что удары ихъ не вспрѣпяшь сопрошивленія, если своенравіе въ забаву не заспавишь ихъ попышашъ силу мышцы и доброшу сабли.

Ночь проходишь въ буйствѣ. Тѣ, кшорые хошашъ сохранишь голову на плечахъ, должны показывашъ веселое лице; ибо Мусульмане предаюшя всей возможной для нихъ радости, и чшобъ изрыгнушь свои прокляшія, ожидаюшь шолько освобожденія береговъ.

II.

Возлежа и пѣкась въ роскошныхъ черпогахъ, *Сидъ* окружень вождями. Пиршество кончено. Паша повелѣашъ подашь себѣ напишокъ, запрещенный *Магоммедомъ*; другимъ вождямъ, болѣе воздержнымъ, невольники его подносяшь пишье, пригошвенное изъ бобовъ Моки. Облака дыма вылешаюшь изъ пламенныхъ чубуковъ и дѣвы пляшущъ при звукѣ дикой музыки. Съ упромъ всѣ сіи воины взойдушъ на корабли, почью они не вѣряшь волнамъ, и сонъ послѣ шумнаго веселія пріашнѣ на шелковыхъ подушкахъ, нежели на вѣроломной спихи. Всѣмъ позволено пировашъ и наслаждашья. До завтраго они могушь позабышь о битвахъ; пущъ надѣюшя они больше на Коранъ, нежели на оружіе. — Однако

Паша предводити войско споль могущеспвенное, что могъ бы предпринять подвиги шруднѣйшіе.

III.

Вдругъ показывается медленно приближающійся невольникъ, споявшій у дверей на спражѣ. Преклоняешь чело до земли, и рука его касается пола прежде, нежели онъ осмѣливается произнести сіи слова: „Государь! Дервишь, ушедшій съ оспрововъ разбойничьихъ, находишься въ швоихъ черпогахъ; онъ испрашиваетъ дозволенія лично предстать предъ тебя и объявишь оспальное.“ — Паша даетъ знакъ невольнику, и онъ молчаливо вводитъ священную особу. Руки пришлеца сложены крестообразно на темнозеленой одеждѣ; походка его слаба и медленна; во зорѣ его смиреніе; онъ, кажеться, болѣе ушомлень воздержаніемъ, нежели годами. Блѣдность его естъ слѣдшвіе спрогаго посша, но не спраха; чело его украшено густыми волосами, посвященными его богу и покрышо высокимъ капишономъ. Длинная одежда покрываетъ грудь его, въ которой сердце бѣтеть шолько для любви къ небу. Смиранный, а не робкій, онъ встрѣчаетъ безъ замѣшательства любопытные взоры на него вперенные. Они ищущъ угадать вину его прихода прежде, нежели Паша позволишь ему говорить.

IV.

„Ошкуда ты, Дервишь?“ — Я убѣжалъ съ разбойничьяго оспрова. — Давно ли? гдѣ взять ты въ плѣнь? — „Я плыль изъ гавани *Скала-новы*, на

купеческомъ корабль въ Хиосъ; но Алла былъ къ намъ немилосивъ; разбойники овладѣли нашимъ кораблемъ и увели насъ въ плѣнъ. Я не боялся смерти; я не имѣлъ сокровищъ, кошорыхъ бы могъ лишиться; одну свободу можно было у меня похишить. Наконецъ, ушлый рыбачій челнокъ, примъченный мною ночью, возвратилъ мнѣ надежду. Я убѣжалъ, и здѣсь нахожу безопасность. Близъ тебя, могучій Паша, кто можешь чувствовать страхъ!“

„Чѣмъ заняты разбойники? Готовятся ли они защищать свои скалы и сокровища? Предупреждены ли они о нападеніи, кошорое предасъ пламени змѣиное гнѣздо ихъ?“ — Паша! глаза узника, полные слезъ о свободѣ, не могутъ наблюдать шѣхъ, кошорые повергли его въ оковы, и единственнѣйшій шумъ, кошорому внималъ слухъ мой, былъ ропощъ волнъ, нехотѣвшихъ унести меня далеко отъ мѣста моего започенія. Я созерцалъ только лазурь неба, освѣщенную солнцемъ, всегда слишкомъ яркимъ для того, кто спенаетъ въ неволѣ. Я чувствовалъ, что день, въ кошорый я сброшу съ себя желѣзы, одинъ изсушитъ источники слезъ моихъ. Паша! мое бѣгство доказываетъ тебѣ, что разбойники мало думаютъ объ опасности имъ угрожающей. Если бы бдительный взоръ былъ устремленъ на меня, осмѣлился ли бы я искасть счастливаго случая, кошорый сюда привелъ меня? — Нерадивая спража, непредупредившая моего бѣгства, сама предасъ себя внезапному нападенію твоихъ воиновъ. — Но

знаменистый Паша! ослабѣвшее мое тѣло терпишь голодь, спраждешъ ошь усшалоспи; позволъ мнѣ удалишься. Да будешъ миръ съ шобою и со всѣми швоими! Повинуюсь голосу природы, она шребуешъ ошь меня пици и покоя.“ — „Ошанься, Дервишь; я хочу еще говорить съ шобою; сядъ и внимай моимъ вопросамъ, я шебѣ повелѣваю; мои рабы принесуть шебѣ брашна для ушолениа голода, шебя шомящаго; шы недалженъ шерпѣть его, нахоясь у меня на пиру; когда же окончишь шрапезу, будь гошовъ ошвѣчашъ: ничего не ушайвай. Я не люблю скришноспи.“

Тщешно хошяшь угадашь, что происходишь въ ушѣ Дервиша: взоры его дико блуждають по дивану; онь почти не дошрогиваетъ до брашенъ, ему предлагаемыхъ, и не обращаетъ ни малаго вниманія на пирующихъ. Движеніе досады и нешерпѣнія на минушу измѣняетъ чершы его; однако онь немедленно его укроцаетъ: молча садится и чело его снова прояснилось. Передъ него спавяють роскошныя блюда; онь до нихъ не касаетъся, какъ бы опасаясь въ нихъ яда. — Послъ шполь долгаго поста и шполькихъ шрудовъ, шакое воздержаніе изумило пирующихъ. „Что съ шобою? Дервишь! развѣ шы думаешь, что шебѣ предлагають яштва нечисшныя? развѣ мои друзья шебѣ не нравятся? за чѣмъ ошвергаешь шы соль, сей священный символъ, кошорый будучи однажды приняшь, пришупляешь ошпріе

сабли, соединяешь раздѣленные народы, и враговъ дѣлаешь братьями?“

— „Соль, Государь! принадлежишь къ приправамъ, изысканнымъ чувствительностью; я питаюсь дикими кореньями, пью ключевую воду. Мои строгіе обыщи и правила нашего общества запрещаютъ мнѣ ѣсть и съ друзьями и съ неприязнелами. Это удивляетъ тебя; но я подвергаю опасности одну свою голову, и объявляю тебѣ, Паша, что за все швое могущество, за самый троень Султанана, я не соглашусь вкушать пищу въ присушествіи людей постороннихъ. Если я дерзну пресшупить свои обыщи: шо гнѣвный Пророкъ поставишь преграду моему путешествію въ Мекку.“

— „Хорошо! я шчу благочестивыя швои правила; отвѣчай еще на одинъ вопросъ, я опущу тебя съ миромъ. Велико ли число разбойниковъ? Неужели это заря догараешь! какая звѣзда, какое блестящее солнце шакъ сверкаетъ въ заливѣ, кошорый кажется огненнымъ озеромъ! Къ оружію, къ оружію! намъ измѣнили! Спража, сюда! мой мечъ! галеры добычей пламени, а я здѣсь! прокляшій Дервишь! и шакъ, вошь швои вѣспи! это лазушчикъ! схвашише, убейше его.“

При семъ неожиданномъ освѣщеніи, Дервишь всшаетъ; перемѣна вида его возбуждаетъ новое удивленіе. Это уже не жрецъ Магоммедовъ; но гордый воинъ; онъ разодралъ влачащуюся свою одежду и открылъ броню. Сабля его сверкаетъ

какъ молнія; низкій, но блестящій племъ покрываетъ чело его; онъ ослѣпелъ черными перьями; его очи блестяшъ еще ярче изъ подъ густыхъ бровей: Мусульмане почитаютъ его непріязненнымъ духомъ, кошорого удары неизбѣжны. Смяшеніе, мрачныя облака дыма отъ пожара и отъ свѣточей, крики ужаса, звуки мечей, одинъ съ другимъ скрещившихся, вопли сражающихся даютъ сему берегу видъ адскаго позорища.

Убѣгая въ смущеніи и безпорядкѣ, разсѣянные невольники видятъ вездѣ только кровь и пламя; шщещно кричитъ Паша: „схваниште сего Дервиша, сего демона, адомъ изверженнаго!“ — Дервишъ воспользовался ихъ страхомъ, удержавъ первое движеніе отчаянія, представлявшее ему на выборъ одну смерть: ибо приказаніе его исполнено слишкомъ рано и слишкомъ спочно; пламя не дождалось отъ него знака; онъ беретъ въ руки рогъ, висѣвшій при бедрѣ его, и извлекаетъ изъ него звукъ пронзительный; ему отвѣчаютъ. „Славно, восклицаетъ онъ, храбрые мои поварищи! могъ ли я сомнѣваться въ ихъ скорой помощи, и хопя минушу подумашъ, что они меня оставили?“ — Мощная рука его описываетъ кругъ мечемъ, кошорого удары вознаграждаютъ часы имъ упущенные. Ярость его еще болѣе распространяетъ ужасъ между малодушными его врагами. Земля усыяна изрубленными чалмами; Мусульмане предъ нимъ исчезли. Едва одинъ изъ

нихъ осмѣлился поднять руку для прикрытія головы своей.

Самъ *Сендъ*, волнуемый бѣшенствомъ и внезапною сцію, тихо опступаешь, и угрожаешь опступая; онъ не смѣешь дождашься ударовъ своего противника: столь видъ его страшенъ! — Зрѣлище пылающихъ галеръ выводитъ Пашу изъ самого себя; онъ рвешь бороду и удаляешь съ пѣною на ухахъ для избѣжанія смерти; ибо разбойники уже вторглись въ гаремъ и спѣшащъ отрѣзащъ ему опступленіе. — Тщешно устрашенные рабы его преклоняющъ колѣна, и бросивъ оружіе, просящъ помилованія; кровь не останавливается. Товарищи *Конрада* являющъ всюду, гдѣ звукъ рога и стоны жерщвъ, умерщвляемыхъ ихъ начальникомъ, возвѣщающъ имъ, что онъ совершаетъ пораженіе; они прибѣгающъ и привѣтствуютъ его восклицаніями, видя его одного, бросающаго свирѣпыя взоры, подобнаго пигру посреди своего окровавленнаго вертепа; крики ихъ кратки; опвѣщъ *Конрада* еще кратче.

„Славно, друзья мои! но *Сендъ* опъ насъ скрылся, а мы покліялись умерщвиль его; еще болѣе остается сдѣлащъ; пламя пожираешь суда; пущъ испребиль оно и городъ.“ —

У.

Сказаль — и каждый схватиль свѣпочъ. Минарешы и чершоги уже добычею пламени. Дикая радощъ блещешь въ очахъ *Конрада*; но что вдругъ его поражаетъ? это вопль женщины; онъ, какъ

погребальная пѣснь, наводишь печаль на сердце, кошорого не шронули крики умирающихъ.

„Вломишесь въ гаремъ; ни одна женщина не должна быть оскорблена: смерть нарушителю моего повелѣнія! помните, что мы сами отцы и супруги: неизбежное мщеніе постигнешъ виновцаго. Нашъ нецрїашель — мущина; разите мущину, пощадите робкую женщину. Я забылъ отдашь вамъ сей приказъ; но будь я прокляшь, если осмѣлюсь обречь гибели поль беззащитный. Слѣдуй за мной, кто хочешъ; ешь еще время избѣжашъ одного злодѣянїя.“ —

Онъ взбѣгаетъ на лѣстницу, кошорая уже начинается обрушивашься; выламываетъ дверь; ноги его нечувствують горящаго пола, онъ задыхается въ вихряхъ дыма, и ощують пробирается въ комнаты; за нимъ слѣдують, ищущъ съ нимъ вмѣстѣ, находяшь убѣжище женщинъ. Каждый схватываетъ крѣпкою рукою испуганную красавицу, не размашривая ея прелесшей, и, ободряя и ушѣшая, уноситъ ее со всею заботливостью, должною несчастной красотѣ: шакъ умѣль *Конрадъ* смягчаетъ сіи дикїя сердца, и управляетъ сими руками, обогранными кровью!

Но кто та, кошорую *Конрадъ* уноситъ на рукахъ своихъ изъ дымлящихся развалинь по шрупамъ и обломкахъ оружія? — любимица шого, кошорого умершвишь онъ поклялся; Царица Гарема и невольница *Сенда*.

Кн. XIV.

7

VI.

Едва *Конрадъ* имѣлъ время сказать нѣсколько утѣшительныхъ словъ *Гюльнаръ*. Въ минувшй ошдыха, кошорыя челоувѣколюбіе его даетъ побѣжденнымъ, они озирающся, дивящся, что ихъ не преслѣдуютъ: мало по малу приходящъ въ себя, оспанавливаются, собирающся и возстановляющъ боевой порядокъ въ рядахъ своихъ. *Сендъ* первый узнаетъ о малочисленности разбойниковъ, краснѣетъ своего поспыднаго бѣгства, причиненнаго нечаянностію и спрахомъ.

„*Алла иль Алла!*“ раздаетъя неумолкаемо. Спыдъ перемѣняетъя въ рѣшимость побѣдиль или умереть; при яркомъ новомъ заревѣ, новые попоки крови кипящъ на полѣ битвы. Побѣжденные съ бѣшенствомъ кидаютъя на враговъ; побѣдители съ прудомъ обороняютъя.

Конрадъ видитъ опасность; онъ видитъ ослабѣвшихъ своихъ поварнщей, окруженныхъ свѣжею шолпою неприятелией.

„Еще одно усиліе, — восклицаетъ онъ, — и дорога намъ открыта!“ — Его войны смыкающся, бросаютъя впередъ; отражены; все пропало. Сжашые въ тѣсномъ кругѣ со всѣхъ сторонъ, разбойники пошеряли надежду, а не мужество: они умѣютъ еще бытъ опасными. — Увы! они защищаютъ уже въ безпорядкѣ; опрѣзанные одинъ опъ другаго, подверженные безпреспаннымъ нашискамъ, они не преспашютъ сражатъя въ молчаніи; падаютъ

болѣе упомленные, нежели побѣжденные, и еще разъ ударяющъ мечемъ, пока онъ не упадетъ изъ оледѣвшихъ рукъ.

VII.

До возобновленія бипшвы, *Гюльнара* и узницы *Га-рема* опшведены по приказанію *Конрада* въ безопасный домъ въ городѣ; тамъ оперли слезы, пролитыя ими опъ страха смерти и оскорбленій; тамъ юная черноокая *Гюльнара*, возобновляя въ памяти мысли, волновавшія душу ея во время смяшенія, удивляется въжливости и сладости рѣчей *Конрада*. Ей казалось страннымъ, что сей разбойникъ, покрытый кровью, былъ привлекательнѣй, чѣмъ *Сендъ* въ лѣжбѣйшихъ воспорагахъ. Паша и въ жару спрасши давалъ чувствовать, что его невольница должна починать ласки его верховнымъ благомъ жизни. Корсаръ явился покровителемъ и спарался успокоить ее, такъ какъ будто сія дань была однимъ изъ правъ красоты. „Сіе желаніе конечно преступно, а что еще хуже для женщины, оно бесполезно; однако же, я хотѣла бы еще разъ увидѣть сего мужественнаго вождя, чшобъ исполнишь то, что страхъ заставилъ меня позабышь: — поблагодарить его за спасеніе моей жизни, о копорой Паша, мой любовникъ, столь мало заботился.“ —

VIII.

Вдругъ она замѣчаетъ его въ самомъ пылу сраженія, окруженнаго кровавыми трупамн, разлученнаго съ своими; видящъ, какъ дорого продаешь онъ

*

непріятелямъ побѣду надъ собою; какъ печешь кровь изъ ранъ его; и какъ, не найдя смерти, онъ схваченъ, наконецъ, шолою враговъ. Дорого заплашишь онъ за бѣдшвія, имъ сдѣланныя.

Враги щадяшь жизнь несчастнаго; онъ осужденъ помилъся въ плѣну до тѣхъ поръ, пока мешь изобрѣмешь мученія. Унимають кровь его, но шолько для шого, чшобъ исшочить ее по капль, ибо *Сендъ* желалъ бы продолжить дни его и видѣшь всечасно умирающимъ. Онъ ли это? шощь ли, кошорый шель сей часъ въ шоржешвъ и заспавляя себѣ повиновашься однимъ мановеніемъ руки окровавленной? Такъ, эшо онъ, обезоруженный, но не упавшій духомъ; онъ жалѣешь шолько о шомъ, что сохранилъ жизнь. Раны его слишкомъ легки, хоща онъ охотно обლობызалъ бы руку, кошорая бы нанесла ему смершельныя. Неужели должно, чшобъ ни одинъ ударъ не прекрашилъ дни его, когда все его удары наносили смерть? Ахъ! какъ горько чувствувешь онъ жестокость своего непосполнаго счастья, когда угрожающій побѣдшель гшовишь ужасныя муки, досшойное возмездіе за его злодѣшства! Гордость, управлявшая его рукою, помогаетъ ему пришворишься. Сврѣное спокойшніе лица его даетъ ему видъ болѣе побѣдшеля, нежели плѣнника. Не взирая на ушомшшельные шруды мшнувшей ночи и потерю крови, онъ всешь спокойнѣе, всешь равнодушнѣе. Тѣ, кошорыхъ удаляла рука его, начинають ободряшься и произнесишь малодуш-

ныя проклятія; но храбрые, видѣвшіе его вблизи, не ругаются надъ нѣмъ, кошорый заставилъ ихъ шрепешать, и дикіе спражи, его ведушіе, удивляюшся ему въ молчаніи, исполненномъ шайнаго ужаса.

IX.

Призываютъ Врача; здѣсь дѣйствуетъ не соспраданіе; хочашъ узнать, что можешъ перенести ошашокъ жизни, кошорымъ еще *Конрадъ* пользуешся. Въ немъ находяшъ довольно силъ для оковъ, и чувствившельности къ боли. Завшра, шакъ, завшра, при захожденіи солнца, начнешся казнь его: онъ будетъ посаженъ на колъ. На ушренной зарѣ, его палачи придуть насышнись звѣрскія души свои зрѣлицемъ его шраданій. Изъ всѣхъ мукъ выбираюшъ продолжшельнѣйшую и жесточайшую, увеличивающую всѣ шерзанія жаждою. Смершь можешъ ушолить ее, и всякой день медлшть, между нѣмъ, какъ голодные коршуны лешаютъ вокругъ роковаго кола: „воды! воды!“ — вопіешъ шрадалецъ. Ненависть ему не внимаешъ; ибо онъ умрешъ, если исполнишь его желаніе.

Таковъ жребій, ожидающій гордаго *Конрада*. Врачъ и спражи удалились, онъ одинъ съ своими цѣпями.

X.

Какъ описашъ волнующія его чувства! Онъ самъ едва могъ бы онредѣлить ихъ.

Ешъ мрачный хаосъ, внутренняя борьба души, кошорей всѣ ешихи смѣшиваюшся и между собою

сражаются, как вдруг слышится поздній звук совѣсти, которая подобно адской фуріи кричитъ: „я тебя предупреждала!“... Ахъ, теперь уже поздно! щещны упреки! душа неукротимая, умьющая шерпѣнь смѣло, осмѣляешь раскаяніе малодушію; ничто не можешь поколебать ее; даже въ шощь спрашний часъ, когда посреди воспоминаній, со всѣхъ сторонъ въ нее толпящихся, она вся раскрывается, и когда нѣтъ главной спраши или мысли, которая бы могла овладѣть ею и опгнашь ошь нее другія. Мечшы честолубія улешають; любовь узнаешь сожалѣніе; славъ и жизни угрожаетъ гибель; должно опказашься ошь общанной самимъ себѣ радости; нѣтъ способвъ удовлетворитъ независни и презрѣнію къ шѣмъ, кошорымъ несчастіе наше служить шоржешствомъ; прошедшее не украшается надеждою; будущее приближается шоль бышро, что некогда подумашь о небѣ или адѣ. Сколько мыслей, сколько словъ, кошорыя, не бывъ никогда забышы, никогда не представлялись памашь съ шакою докучливостью! Сколько поспупковъ, кошорые прежде казались намъ незначительными или пріятными, и въ кошорыхъ теперь шпрогое размышленіе обвиняешь насъ, какъ въ преступленіяхъ! Чувештво порока, шоль долго бывшее скрытымъ, ошь того не шераетъ горечи. Однимъ словомъ, все представляешь намъ ужасную каршину обнаженнаго сердца, сей разрышой могилы, гдѣ мы находимъ погребенными всѣ бѣдшвія, но возмущенная

гордыня вырывается, наконец, зеркало, въ кошоромъ душа смотрѣлась — и разбиваетъ его.

Гордость можешь на все набросишь покровъ, и мужество можешь прошивишься всему, что есть ужаснаго въ приближеніи и послѣдствіяхъ паденія.

Ни одинъ смертный не свободенъ отъ какого-нибудь страха; только прищворство можешь закрыть его, чтобы приобрѣсти похвалы.

И трусь хвалить свою храбрость, и убѣгаешь; мужественный умѣетъ равнодушно взирать на смерть, и умереть въ молчаніи; онъ предвидѣлъ конецъ своего поприща и такъ хорошо пригошовилъ свое сердце, что когда смерть приближается, онъ непринужденно идетъ къ ней на встрѣчу.

ХІ.

Вершину высокой башни избралъ *Сендъ* для заключенія *Конрада*. Дворецъ его въ пеплѣ; эта башня служила вмѣстѣ убѣжищемъ двору его и шемницею пльнику. Корсаръ не ропщетъ на приговоръ *Паши*; еслибъ мучитель его былъ побѣжденъ, то испыталъ бы такую же участь. Въ уединенной пюрмѣ своей онъ осмѣливается сойти въ глубину своего преступнаго сердца; только одна мысль приводитъ его въ содроганіе: „что будетъ съ *Медорой*, когда она получитъ сіе печальное извѣстіе?“ — При сей мысли, онъ поднимаетъ руки и какъ бѣшеный гремитъ кандалами. Пошомъ вдругъ, желая обольстить себя ложною надеждою, онъ принужденно улыбается, помышляя о своихъ несчастіяхъ: „Пускай,—говоритъ

онъ, — *Сидь* назначишь, когда захочешь, день и часъ моей казни: для сего роковаго дня мнѣ нуженъ покой!“ — При сихъ словахъ онъ бросается на солону и, какія бы грезы его ни ожидали, скоро засыпаетъ.

Около полуночи началось сраженіе; замыслы *Конрада* были скоро исполнены, и демонъ кровопротіія шакъ хорошо воспользовался временемъ, что въ сію гибельную ночь немногія злодѣйства остались несовершенными; одного часа было довольно *Конраду*, чтобы сокрышь себя, опкрышь, побѣдиль, бышь побѣжденнымъ, схваченнымъ и осужденнымъ; въ одинъ часъ онъ былъ разбойникомъ на морѣ, полководцемъ на сушѣ, врагомъ свирѣпымъ и челоуѣколюбивымъ, и плѣнникомъ, заключеннымъ въ темницу и погруженнымъ въ тяжелый сонъ.

XII.

Этотъ сонъ шакъ глубокъ, что едва слышно дыханіе спящаго; ахъ! если бы это былъ сонъ смерти! Но кто идетъ въ пылинъ темницы? Враги его удалились, у него здѣсь нѣтъ друзей. — Не ангель ли это, посланный съ неба для возвѣщенія ему покаянія? Нѣтъ! это смертная въ образѣ божества. Въ бѣлой, какъ мраморъ, рукѣ ея горитъ свѣщильникъ, кошорый она старается скрыть, чтобы внезапный свѣтъ не поразилъ очей, кошорыя должны опкрыться для горѣши, и потомъ навсегда закрыться.

Кто же сія черноокая красавица, съ возвышеннымъ челою, вокругъ обвишимъ волосами, въ косы заплетенными и алмазными узлами перевитыми? Кто сія воздушная красавица, которой нога близной подобна снѣгу, и, какъ онъ, безъ шума падаетъ на землю? Какъ она прошла сюда посреди спражей и ночью?... ахъ, спросише лучше, на что не рѣшился женщина, которую одушевляють молодость и соспраданіе, какъ себя, прекрасная *Гюльнара*?

Гюльнара не могла заснуть, и между тѣмъ, какъ Паша, забывшійся сномъ, все еще мечтаетъ о своемъ ужасномъ плѣнникѣ, она ошъ него уходишь, взявъ съ собою перстень, который служить ему печашью, и копорымъ она часто украшала себя въ шушку.

Владѣя сими драгоцѣннымъ знакомъ, перебующимъ ошъ воиновъ уваженія, она проходитъ ихъ спящіе ряды и спража ее не окликаешъ. Воины, упомянутые усшалоспію дня, позавидовали сну *Конрада*; опягченая глава ихъ колеблется и безпреспанно упадетъ на грудь; члены ихъ безпечно размешаны; они пересптали бодрствовашъ; для нихъ довольно подняшь на мягъ глаза на новелинтельный перстень, не забощаясь о томъ, на чьей онъ рукѣ.

XIII.

Гюльнара удивляешся. — „Онъ спитъ,“ говоритъ она, — „шогда, какъ одни оплакивають его бѣдспвіе, другіе — нанесенные имъ удары; шогда, какъ безнокйшество о немъ влечетъ къ нему мои блуждающія

снопъ. Какое внезапное очарованіе сдѣлало для меня сего чловѣка столь любезнымъ? Правда, я одолжена ему болѣе, чѣмъ жизнь: онъ спасъ меня и подругъ моихъ изъ пламени. Позднія размышленія! — Тише! сонъ его прерывается; какъ тяжело онъ дышетъ! Вошь онъ проснулся!“ *Конрадъ* поднялъ голову, и глаза его, ослѣпленные блескомъ огня, сомнѣваются въ томъ, что видятъ. Онъ дѣлаетъ движеніе рукою и звонъ цѣпей печально увѣдомляетъ его, что онъ еще живъ. —

„Что вижу я? говоришь онъ, это воздушное божество; или мой пюретчикъ одаренъ чудесною красотою! . . .“

„Корсаръ! я тебя не незнакома; ты видишь женщину, благодарную за подвигъ, слишкомъ рѣдко повшоренный въ жизни швоей. Взгляни на меня и вспомни спасенную тобою изъ пламени и отъ швоихъ воиновъ, болѣе ужасныхъ, нежели оно: я прищла взглянуть на себя, съ какимъ намѣреніемъ, сама не знаю; но не съ худымъ; нѣтъ, не мнѣ желашъ швоей смерти.“ — Если шакъ, небесная женщина, ошвѣчалъ *Конрадъ*, — ты здѣсь одна не шоржешествуешъ при мысли о моей казни. Врагамъ моимъ посчастливилось; пусть воспользуются они своими правами; но чтобы ни случилось, я благодарю ихъ за то, что они послали ко мнѣ шкакого исповѣдника въ послѣдній мой часъ. —

Какъ ни страннымъ должно показаться сіе чудство, однако же есть въ крайнемъ бѣдствіи какой-

шо родъ веселости, которая хоща и не услаждасть, (ибо нѣтъ возможности обмануть спраданіе), но улыбка ея, какъ она ни горька, все улыбка. Люди умнѣйшіе и добродѣтельнѣйшіе иногда шутили на эшафотѣ; сія веселость можеть обмануть всякаго, кромѣ сердца того, кто спраждеть. Каково бы ни было чувство *Конрада* въ сію минушу, но дикая улыбка въ половину освѣтила черныя брови его, и звуки голоса его, какъ бы въ послѣдній разъ, выразили удовольствіе.

Но ничшо не было такъ далеко отъ его характера; очень рѣдко прерывалъ онъ шокъ своихъ черныхъ мыслей.

XIV.

„Корсарь! приговоръ шебъ произнесенъ; но я могу еще укропшишь гнѣвъ Паша; я хочу спасти шебя, и хощѣла бы сдѣлать эшо сію же минушу; но ни время, которое слишкомъ кратко, ни силы свои не подають къ тому надежды. Я сдѣлаю все, чпобы по крайней мѣрѣ остановишь исполненіе приговора: ты выиграешь цѣлыя сунѣки. Предприимашь въ эшу ночь что-нибудь важное для насъ опасно. Ты самъ не пожелаешь подвергать и себя, и меня, опасности погибнуть.“

— „Конечно, я не пожелаю эшаго; душа моя на все гошова. Я упала слишкомъ низко, и не боюсь наденія. Опкажись отъ всякаго опаснаго предпріанія и переспань льшишь меня надеждою, спасишь отъ враговъ, предъ кошорыми я уже не могу испы-

пывашь свои силы. Не имѣя возможности побѣдишь, не уже ли прибѣгну я къ постыдному бѣгству, и одинъ между своими воинами не осмѣлюсь умереть? но я имѣлъ подругу: воспоминаніе о ней раздраешь мою душу: слезы льюшся; глаза мои шакже чувствительны, какъ ея глаза. Единственною моею опрадою въ жизни были: мой корабль, моя сабля, моя любезная и мой Богъ. Я оснавилъ моего Бога еще въ молодости. Онъ меня оспавляетъ шеперь; человекъ, меня угнешающій, ешь полько орудіе мести Его. Далека ошь меня мысль издѣвашься надъ Небомъ, обращаая къ нему безвременную молишву робкаго опчаянія; я дышу и могу все перенести; эшаго для меня довольно. Моя сабля похищена изъ шой руки, кошорая худо ошвѣчала довѣренности храбрыхъ, еш водимыхъ; мой корабль сдѣлаался добычею волнъ, или во власти *Сенда*. Но моя подруга, признаюсь объ ней я могу еще умолять Небо. Смершь моя разшерзаешь ея нѣжное сердце.“ — „И шакъ, шы любишь другую! но какая мнѣ нужда! эшо до меня не касаешся; шы любишь! завидую шѣмъ, кошорые нашли вѣрное сердце; счастливы! они не чувствуюнть сего шоминельнаго безпокойства и сѣй необходимости въ оболщеміи, кошорыя меня шерзаюшъ.“

— „*Гюльнара*! я думалъ, что шы любишь шого, для кого рука моя извлекла шебя изъ пламени и гибели.“ — „Мнѣ любишь сверьпаго *Сенда*! нѣтъ, нѣтъ, никогда! шщешно старалась я ошвѣчань его сврасши;

любовь живетъ только съ свободою; я раба, раба любимая; я обязана раздѣлять великолѣпіе, окружающее *Сенду*, пришворяться счастливою. Часто, къ моему огорченію, онъ спрашиваетъ меня, люблю ли я? и я готова отвѣчать: нѣтъ! Какъ тяжело бытъ предметомъ такой нѣжности, и дѣлать щепетныя усилія, чтобы плашить за нее своею; однако еще шягоснѣе скрываешь чувства другого рода къ тому, кто во мнѣ зажегъ ихъ. *Сендъ* беретъ меня за руку, кошорой я ни даю, ни опнимаю; холодное бѣненіе моей жилы не дѣлается опъ того ни медленнѣе, ни быстрѣе; и когда онъ выпустишь мою руку: то она упадаетъ, какъ безжизненное шѣло, опдалаясь опъ человека, кошорый никогда не былъ много любимъ, слѣдственно не можешь бытъ ненавидимъ. Ушпа его испрѣчаютъ мои холодными; его ласки заспавляютъ меня содрогаться и проливаютъ холодъ въ кровь мою. Еслибъ я ощутила огонь любви, то могла бы смѣнить ее ненавистью; но я съ одинакимъ равнодушіемъ вижу, какъ *Сендъ* меня покидаетъ и какъ опяшь возвращается. Часто онъ вздыхаетъ, а мысль моя опъ него далека. Спрашусь, что будущее увеличитъ мое опвращеніе. Я раба Паши; но не смошря на пышность его сана, для меня было бы несноснѣе имѣть его супругомъ, нежели господиномъ. Для чего прихотливая спрась его ко мнѣ столь пошоянна. Для чего бы не полюбишь ему другую! если бы онъ меня оставилъ! Еще вчера онъ жаловался на мое равнодушіе; если вынѣ

приласкаю его цѣжите обыкновеннаго: по вѣрь, несчастливцевъ, что это для тебя единственно. Я разорву свои оковы; подарю тебѣ жизнь за жизнь твоею мнѣ сохраненную; возвращу тебя подругѣ, разделяющей такую любовь, которая мнѣ никогда не будешь знакома. Проси! скоро покажешь день! ты не умрешь сего дня.“

XV.

Она прижимаетъ обремененныя его руки къ своему сердцу, опускаетъ голову и вдругъ какъ пріятный сонъ исчезаетъ въ молчаніи. — Точно ли *Гольдара* являлась *Конраду*? не одинъ ли онъ былъ? какая блестящая жемчужина упала на его цѣпи? Это священная слеза сожалѣнія о бѣдствіяхъ несчастнаго, упавшая какъ перль, очищенный небесною рукою. О, сколь краснорѣчивы слезы женщины!

Въ васъ заключаются по оружіе, которыми безсиліе смиряешь и покаряешь, и которое служишь ему вмѣстѣ и щипомъ, и мечемъ. Смертные, не доверяйте слезамъ огорченной женщины. Кто могъ заставитъ бѣжать героя, и отказаться отъ обладанія міромъ? одна робкая слеза *Клеопатры*! ахъ! я извиняю слабодушнаго *Антонія*! сколько людей, которые шепчутъ небо, какъ онъ потерялъ землю! сколько людей, которые предають душу свою вѣчному врагу челоуѣка, и доводятъ несчастіе свое до высшей степени, чтобы осушить слезы вѣтренной красавицы!

Всходитъ заря и лучи ея блестятъ на измѣнен-
ныхъ чершахъ *Корада*; но солнце не возвратитъ
ему вчерашней надежды. Что ждешь его въ эту
ночь? можешь бышь, онъ сдѣлается бездушнымъ
шломъ, надъ копорымъ коршунъ будешь шумѣть
гробовымъ крыломъ; глаза закроются для блага
свѣта. Зайдетъ солнце, влажные вечерніе пары
прольютъ вокругъ него прохладу и оживотворяшь
въ природѣ все, кромѣ его исперзаннаго трупa.

К Р И Т И К А.

Князь Курбскій.

Историческій романъ.

Просвѣщенный любитель Опечесшвенныхъ дре-
вностей, ободряемый повсемѣшными успѣхами Рома-
ническихъ, или, справедливѣе сказать, Историческихъ
сочиненій знаменитаго Англичанина *Вальтера
Скотта*, Б. М. *Федоровъ*, сдѣлалъ первый опытъ въ
сочиненіи Историческаго Рускаго романа, копорого
пять (*) Главъ напечатаны въ Опечесшвейныхъ
Запискахъ текущаго года. Онъ далъ ему названіе:
*Черты опечесшвенныхъ событій и Рускихъ правовъ
XVI вѣка.*

(*) Послѣ сего напечатано еще 2 Главы.

НОВОСТИ ЛИТТЕРАТУРЫ.

Ноябрь, 1825.

П Р О З А.

ПИСЬМО ИЗЪ ФЕРРАРЫ.

Изъ Hermann Friedländers Ansichten von Italien.

(Посвящено Алек. Дан. Башуцкому.)

Одинъ день въ Феррарь.

Кто, подобно намъ, прѣзжаешь въ Феррару съ великими ожиданіями, но обманываешься въ своихъ надеждахъ, пошь самъ шому виною. Съ нѣкоторымъ чувствомъ благоговѣнія приближались мы къ сей классической землѣ, въ кошорой нѣкогда блискали Романшическая Поэзія и великолѣпный Дворъ. Мы надѣялись шущь-еще найши мѣста, достойныя своего великаго имени и шоль облагодѣшльствованныя Небомъ, но шщетно! опустѣлый городъ лежишь на плоскошъ, болошисшомъ и нездоровомъ мѣстѣ, а широкія и неправильныя улицы, кажешся, вымерли. Изъ 70,000 жшселей, шеперь едва находишся 20,000, въ шомъ числѣ нѣсколько шысячъ Евреевъ. Городъ имѣешъ еще довольно ошличныхъ зданій и дворцевъ; но они шстояшъ уныло, и какъ бы съшуюшъ. Не

Кн. XIV.

6